

Андрей РЕБРОВ

И ВЕРИТСЯ: ЖИЗНЬ – ВЕЧНА...

Андрей Борисович Ребров родился в 1961 году в Ленинграде. Работал оператором котельной, в вычислительном центре, в библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, служил в армии. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычёва), неоднократно совершал паломничества по святым местам России. Поэт, секретарь Союза писателей России, академик Академии Российской Слоvesности и Петровской академии наук и искусств, член Совета Собора Православной интеллигенции. Лауреат всероссийских литературных премий, в том числе премии св. Александра Невского и Международной премии «Серебряный Витязь». Главный редактор журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

***

Иссяк закат. И ночь черна,
  как пашня.
Пишу, пишу... пашу лист
  белый я,
Чтоб трением пера о грунт
  бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней, объятый
  позолотой
Небесных нив, легко бы
  вы прочли
Хотя б щепотку строчек,
  где от пота
И слёз моих — искрится соль
  земли.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжёлый:
Всё ближе звёздные миры
И неоглядней долы.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало

Хоть искры веры — чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но здесь, в предоблачной тиши,
На гулком перевале

Вдруг ощущается легко,
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь — вечно...

***

Вот снова чьи-то дети вдалеке
Так по-библейски плещутся
в реке
И гольшом, на свежем ветерке,
Простосердечно бродят по мыску.
А время, уподобившись песку,
Заносит их следы на бережку.
И человек, похожий на Луку,
Им что-то пишет тростью
на песке...

НА РЕКЕ

На левом берегу — туман густой.
А правый берег — дальний
и крутой;
Направлю чёлн — туда, где
с высотой
Ночных небес, запомненных
водой,
Слились уже светящиеся дали...
И может, в невечерней
жизни той
Когда-нибудь к Безбрежности
причалию...

***

Месяц речной — всё взрослее
и строже...
Веет бессмертьем от звёздной
воды.
Юность ушла... И за лунной
дорожкой —
Свежие звёзды, как чьи-то следы.

Время течёт... Но, о Вечности
мысля,
Долго гляжу я, как в детстве,
с мостка —
В воды реки, углублённые
высью, —
И ощущаю: как юность близка...

***

Засыпал стёкла рыхлый свет
дневной,
И мне светлица кажется норою.
И растворяю в поле я окно, —
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще
временной,
Копает ход сквозь древний
пласт земной.
Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме,
под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир
иной.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся
Нево,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.
И чудится,
что яблоки на водах,
В скопление,
сочетаются в века.

И те века плывут,
плывут...
И встречно
Течёт им
жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

ПРЕД МОГИЛОЙ ПУШКИНА

Просветлел небосвод на востоке,
Источилась луна над жнивьём.
У горы, пред могилой высокой
Постою — между ночью и днём.

В этот час сокровенный,
эфирный,
Схожий с тонкой реальностью
сна,
В чутком сердце по-ангельски
мирно
Совмещаются времена.

И тогда сердцу слышится —
где-то
В горной рощице стук посошка,
И смиренная поступь поэта,
И её вольный отзвук в веках.

И парят над стернёю осенней,
И зовут в ночедневной тиши
Светлокрылые строфы —
к спасенью,
А не к грешной свободе души.

***

В долгом омуте метели
Тонет чёрная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только вдруг, заколыхавшись,
Щёлкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало
свечи.

И, слившись с отражением её,
Мой долгий взор лучится
в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлён
В необозримом зеркале времён.

И я, как в вещем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горная родня.

***

Взбрала поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечёт, течёт издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь, сплочённые молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы в даль

листка...

И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

НА ЗАКАТЕ

Кружится вран над старой
бороздою,
Где солнца щит ржавеет
в ковыле.

И небеса красны, как поле боя,
Как поле битв, истекших
на земле.

И на кресте заросшем
и былинках,
На каждой пяди вечности —
окрест —

Горят, горят дождейки,
как кровинки,
Как кровь солдат, излитая
с небес.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Митрополиту Константину
(Горянову)*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шёл монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шёл чернец строкой
незавершённой,
Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот
городов
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук
щитов,
Посвист пуль, звучащий,
словно эхо
Впившихся в простор ордынских
стрел,
Лязг пропятах танковых доспехов,
Трубный гуд страстных
монастырей.

Шёл монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.